

Кашевский, сыграл на рояле увертюру из «Вильгельма Телля» Россини.

А. Милуков

КРУЖОК И.И. ВВЕДЕНСКОГО*

Другой кружок людей отчасти с педагогическими, а главное, с литературными интересами я встретил у очень известного тогда *Введенского Иршарха Ивановича*. Один из наиболее выдающихся педагогов в области военно-учебных заведений, которого очень ценил Я.И. Ростовцев, управляющий тогда этими заведениями (он дал Введенскому особое положение, назначив его, по-тогдашнему, «наставником-наблюдателем», т. е. руководителем и инспектором преподавания по русскому языку и словесности), Введенский был очень известен и в литературных кругах как замечательный переводчик Диккенса. Впоследствии, долго спустя, говорили, что переводы Введенского не отличались большой точностью, — другими словами, он за мелочной точностью не гнался, но живой рассказ Диккенса он умел передавать живым рассказом русским, и это, конечно, было немалым достоинством и прямо свидетельствовало о его литературном даровании. С Введенским познакомил меня Н.Г., знавший его раньше отчасти как земляка, — и я потом почти не пропускал его пятниц, на которых всегда собирался кружок преподавателей и литераторов. Введенский был, действительно, человек интересный: он происходил из духовного звания, прошел семинарию, побывал, кажется, в Московской духовной академии и университете, жил одно время у Погодина (кажется, в роли репетитора в его пансионе), о котором сохранил не весьма благопо-

* А.Н. Пытин. Мои заметки. М., 1910, с. 74—77.

лучную память. В литературных вопросах он (как тогдашнее большинство) был самоучкой, но у него была большая начитанность, — особенно, кажется, во французской и английской литературе, — и вопросы общественные. Собиравшаяся у него публика приносила с разных концов Петербурга новости подобного характера и новости литературные; в разговорах вспоминалось недавнее прошлое — разгром кружка Петрашевского, в котором бывали и люди знакомые; симпатии были несомненно к широкому развитию литературы; анекдоты о действовавшем тогда негласном комитете указывали невозможное положение вещей; в параллель к ним шли рассказы о разных случаях в тогдашней общественной жизни. Несмотря на покровительство Ростовцева, Введенский имел все-таки репутацию человека либерального образа мыслей. Около этого времени (не помню с точностью годов; я был еще, кажется, в университете) открылась вакансия на кафедру русской словесности в университете, — вероятно, по выходе из университета Плетнева; решено было назначить на кафедру конкурс; вероятно, конкуренты должны были указать свои ученые труды, а кроме того, они должны были прочитать пробную лекцию. Этому последнему я был свидетелем. Конкурентов было трое: *М.И. Сухомлинов*, *Введенский* и некто *Тимофеев*; лекция была прочитана в большой аудитории в присутствии факультета и при большой массе слушателей — студентов. Лекция Сухомлинова была очень гладкая, с некоторыми оригинальностями; лекция Тимофеева была слабая; но самое сильное впечатление оставила лекция Введенского. Здесь я единственный раз видел его на кафедре. Это была крепкая, несколько грубоватая фигура, с громким голосом, с ясной, почти резкой манерой говорить и с довольно определенным общественным взглядом, который можно было бы назвать де-

мократическим или, по позднему, народническим. Не знаю по какому мотиву, может быть вследствие непривычности случая и новой аудитории, Введенский, чтобы резче указать свою мысль, отметил, что энергия деятельности Ломоносова имела источником то, что он был «мужик», и это слово для большей выразительности было подкреплено довольно звучным ударом кулака по кафедре. Мы тогда же подумали, что этот ораторский прием, — вероятно, происходивший от простой неловкости, — перепугает факультетское начальство и сделает кандидатуру Введенского невозможной. Так это и случилось. Кафедра была предоставлена Сухомлинову... Как педагог Введенский пользовался большим авторитетом и любовью у своих питомцев. Последние годы жизни он совсем потерял зрение, но некоторое время не прекращал своих уроков: его приводили в класс, и он, слепой, давал свои уроки или лекции. Сколько припомню, он, вероятно, очень расширил и осмыслил преподавание словесности; между прочим он вводил до некоторой степени знакомство с западноевропейской литературой. У него я встречал тогдашних педагогов и начинающих писателей, например, *В. Кеневича*, *Г.Е. Благосветлова*, уже тогда человека решительных мнений, *А.П. Милокова* и других. Круг Введенского был не единственный, где собирались люди с литературными интересами; как я упомянул, здесь очень хорошо знали и близко принимали к сердцу недавние литературные погромы — ссылку Салтыкова, историю Петрашевского, деяния тогдашней цензуры и III Отделения, но в общем настроение того времени, первых пятидесятых годов, не было похоже ни на философские кружки тридцатых-сороковых годов (когда, между прочим, возникло славянофильство и западничество), ни на социалистические увлечения друзей Петрашевского. Настроение было, вообще, что назы-

вается, либеральное, но занимали не вопросы отвлеченные (как философия Гегеля или самый социализм), а вопросы ближайшей действительности. Господствовало сознание тягостного положения литературы, т. е. умственного и нравственного состояния общества и ожидание какого-нибудь исхода*.

А. Н. Пытин

У А. А. КРАЕВСКОГО**

У Краевского собиралось по четвергам довольно многолюдное литературное и артистическое общество, очень разнообразное — тут были всего больше писатели, но бывали также художники, актеры, важные чиновники; в те годы Краевский был одним из самых видных как бы «представителей печати». Здесь, например, я видел в первый раз *А. П. Заблоцкого-Десятовского* (еще в конце сороковых годов он поместил в «Отечественных Записках» знаменитую статью «О колебании цен на хлеб в России» — это было замечательное, хотя по обстоятельствам времени очень прикрытое указание на ненормальность крепостного права); здесь бывал *В. В. Самойлов*; здесь я в первый раз познакомился с *И. Ф. Горбуновым*, которого тогда вывез из Москвы *Островский* и который уже на первых порах производил большой эффект и имел успех в разных слоях петербургского общества; здесь бывали *Писемский*, *Д. В. Григорович* и пр.; бывали, наконец, и мои знакомцы по исследованиям в старой литературе; гости обыкновенно разбивались на отдельные кружки...

* Дополнительно см.: *А. Милоков*. Литературные встречи и знакомства (глава — *Иринарх Иванович Введенский*); *А. Фет*. Ранние годы моей жизни (глава 16).

** *А. Н. Пытин*. «Н. А. Некрасов». СПб., 1905, с. 8—21.